

живая любую несправедливость как самое страшное крушение мира.

Встретились две неприкаянные души и вроде бы теплой им стало. Так нет, пришел строитель светлого будущего, счастья всего человечества и затоптал согретый их души костерок. Мимолетная встреча занозой застряла в сердце на всю жизнь («Я не могу забыть ту ночь и незнакомца в шляпе по сей день, помню и огонек, приплывший ко мне из темноты. Теплом и болью отражается его свет в моей душе»).

История печальна жесткой правдой жизни, обрушивающейся на детство тяжелыми взрослыми вопросами: «Почему и во имя какой такой святой цели мучают ни в чем не повинных людей?» И как бы в продолжение известного горячего спора о цене прогресса мы вправе спросить самих же себя: «Как это мы, читавшие Достоевского, могли вообразить себе, что в принципе в озимом о ж н о счастливое будущее, в основу которого положены миллионы погубленных жизней?»

Еще на многие вопросы мы не знаем ответов, но писатель все же оставляет дверь приоткрытой — нет, мир не пропадет, не оскотинится вконец, если в него будут приходиться мальчики с такой обнаженной совестью и чувством стыда за других. И до тех пор, пока еще будут среди нас живы люди, протестующие, сопротивляющиеся, не сдающиеся произволу и унижению, мы будем знать, что мир не умер, не разложился на атомы зла, а стало быть, пусть и призрачная, но надежда еще есть.

Пройдет время, и мы с любопытством будем вглядываться в повзрослевшего героя, искать в нем обещанное в детстве, мысленно вести с ним диалог, удивляться переменам и упрекать если не в конформизме, то в нежелании действительно противостоять Системе. Леонид Сошнин из «Печального детектива» уже может постоять за себя, оградить рядом живущих сограждан от назойливых притязаний шаромыг и прочего преступного элемента, он совестлив, не трус, много размышляет о жизни. Размышляет интересно, глубоко. Хотя и с заметной усталостью и раздражением. И причина тут не только от неудач в семейной жизни — жена у него, как говорят, еще не худшая, а самый черный день не бросила. Так вот, печаль детектива Леонида Сошнина — от собственного бессилия хоть как-то изменить этот явно несправедливый мир. Впрочем он и не знает, с какого боку к нему подступиться, ибо долгое время делил его на преступный и не преступный. И вдруг прочные плотины, разделяющие эти миры, стали давать течь, смешав белое и черное, окончательно лишив героя способности к какому бы то ни было сопротивлению.

И это весьма характерная черта людей его поколения. При всех их личных достоинствах, высоких морально-нравственных качествах они беспомощны перед абсурдом нашей жизни, и кроме бегства от него у них нет никакого оружия. И Сошнин, и Медведев («Все впереди» В. Белова), и Иван Петрович («Пожар» В. Распутина) — поколение, загнанное в тупик, не способное даже к такому минимальному протесту, какое выразил тургеневский глухонемой, подневольный «эрагим» («Му-му»). Не правда ли, интересные результаты воспитания «социально активной и гармонично развитой» личности?

В финале повести «Пожар», как бы подводя нравственный итог случившемуся, герои растерянно спрашивают друг друга:

«— Что будем делать, Афанасий? Ты знаешь, что теперь делать, нет?»

— Жить будем, — морщась то ли от потревоженных рэн, то ли от потревоженной души, сказал Афоня. — Тяжелое это дело, Иван Петрович, — жить на свете, а все равно... все равно надо жить.

И тоже спросил, отхлебнув из кружки: — А ты что решил делать?

— Будем жить, — только и переставив те же самые слова другим порядком, ответил Иван Петрович.

Спрятал голову под семейное крыло и Сошнин, найдя оправдание у Даля, но так и не решив главного для себя вопроса: «Как быть да жить среди народа?..»

В. Белов, перенося решение вопроса в будущее, весьма многозначительно намекает, что «все впереди», и здесь, как видим, оказался пророчески прав.

Чем интересны эти герои? Прежде всего тем, что это последние положительные, нравственные персонажи отрицательной эпохи, сумерек социализма, провозглашаемого высокие цели, но породившего соммы, бездушных чудовищ. Впрочем, со временем они и станут его гробовщиками.

У Достоевского уже было предостере-

жение на этот счет: «Социалисты хотят переродить человека, освободить его, предстать ему без Бога и без семьи. Они заключают, что изменив насильно экономический быт его, цели достигнут. Но человек изменится не от внешних причин, а не иначе, как от перемены нравственной». Большевики, с подозрением относившиеся к писателю, пренебрегли его выводами, по-хоже, и нынешние преобразователи России мало что уразумели. Человек забывчив, и И. Бунин с сожалением записал в «Окаянных днях»: «Ключевский отмечает чрезвычайную «повторяемость» русской истории. К великому несчастью, на эту «повторяемость» никто и ухом не вел».

А в нынешние «окаянные дни» разве не то же?

Наши герои тоже ничему не научились у собственной истории, а ведь и у них были предшественники. И все же присутствие их в этом мире крайне необходимо — ибо кто из нас согласится жить в темном, беспросветном тоннеле, в обществе подлецов, пьяниц, вора, быдла? Но присутствие это, увы, пока на обочине дороги жизни. И только их дети что-то смогут предпринять, перевернуть «мертвый дом». Плохо или хорошо они это сделают — литература пока не знает. Образ нового времени еще не сложился, хотя трагические его очертания уже способны привести в ужас.

Ж

ИЗНЬ, описанная в этих произведениях, вроде бы вчерашняя, герои — наши современники, но мы смотрим на них из нашего сегодня, как из другой эпохи. Та, в которой жили Сошнин, Иван Петрович, Медведев, закончилась крахом, и результат этот можно было предсказать, исходя из логики художественного развития событий.

«Дурен, отравлен этот свет, напугана, сжата, брязнью пропитана душа русского человека. И это уже навсегда. И будь у нас дети, им перешел бы по наследству наш богатый душевный багаж. Но не сулил нам бэг с Олешкой продолжения, и спасибо ему — зачем нашей героической родине еще один трусливый обидчик? Она и без того задыхается от надежды, от скопища задержанных слабых людей, от исповеди (Много рожденный), место которой определено было в преступном мире, среди «людского сора» лишь за то, что она дочь репрессированных родителей. Она — малая частичка «пронизанного народа», у которого, по сути, и биографии-то не было, и жизнь, как в бредозом сне, укладывалась в два слова: «Кошмар и ужас. Ужас и кошмар».

У В. Распутина вольные граждане: «Жить будем. Будем жить». У В. Астафьева: «Кошмар и ужас. Ужас и кошмар». Вот он, небогатый выбор, слагаемые формулы нашего недавнего бытия. И жизнь человека вращалась по этому замкнутому кругу, кому повезет — тот будет прозябать по эту сторону добра и зла, будет «жить», кому нет — тот испытает весь «ужас и кошмар». Но тех и других уравнивает неизбежное чувство страха, одна из форм духовной несвободы. И эту несвободу легче переносить в одиночестве и безопасней.

Сколько интригующих дискуссий, расуждений слышно в последние годы о том — одиноки ли мы во Вселенной, есть ли в окрестных галактиках братья по разуму. И как хочется хоть каких-то, пусть самых призрачных доказательств, что мы не одни в черной бездне космоса. То есть человеку по естеству его противно одиночество, он ищет общения, без которого наступает вырождение, смерть. В «Пастухе и пастушке» умирающему Борису Костяеву главврач неожиданно дает следующий совет: «...не отдаляйтесь от людей и принимайте мир таким, каков пока он есть. Иначе вас раздавит одиночество, оно страшнее войны».

Совет будто бы житейски правильный. Однако Борису он не понадобился, и смерть его от легкой в сущности раны, так всех удивившая, ничем иным, как трагически переживаемой разлукой с любимой, не объяснишь. Бывалый доктор оказался прав — война не убила, раздавило одиночество, хотя вокруг были люди, внимательные медсестры.

Не случайно мне хотелось обратить внимание на мотив сиротства в творчестве В. Астафьева. Он у него постоянен. Как и каждого крупного художника, его заботит судьба человека, проблема выживаемости. И то, что герои В. Астафьева все чаще и чаще владают в одиночестве, — это как бы знак беды, неблагополучия в среде их обитания. Не увидеть этот знак, не расслышать предостережений писателя — значит не почувствовать его боли, его тревог.

Петр ТАТАУРОВ